

ЗНАЮЩИЕ
—
СПРАШИВАЮЩИЕ

ПЕЧАТЬ ДУШИ

В МИРЕ, ГДЕ ЗА ЗНАНИЯ ПЛАТЯТ ДЕТЬМИ,
А ЗА ОШИБКИ — ДУШАМИ,
ВЫЖИВАЕТ ТОЛЬКО ТОТ,
КТО ГОТОВ СМОТРЕТЬ СМЕРТИ В ГЛАЗА

Максим Тихонов

Печать души

«Автор»

2026

Тихонов М.

Печать души / М. Тихонов — «Автор», 2026

Он не должен был находить смартфон. В мире, где магия заменила технологии, а семьи делятся на Знающих и Спрашивающих, Андриан — всего лишь сын из низшего рода. Его будущее предрешено: печать послушания, брак по расчёту, жизнь в услужении. Но одна находка меняет всё. Древнее устройство открывает запретное знание — как сформировать ядро силы в обход ритуала. В отчаянной попытке избежать участи покорного слуги Андриан пробуждает нечто, что нельзя контролировать. Демона. Теперь у него на груди печать-тюрьма, а в голове — чужой голос, который предлагает силу в обмен на свободу. Но у этой сделки есть цена. В мире, где за знания платят детьми, а за ошибки — душами, выживает только тот, кто готов смотреть смерти в глаза. Ребят у меня есть сообщество в ВК называется Хроники Алексея Орлова. Именно там я публикую много картинок и есть трейлер к этой книге . А недавно еще выпустил комикс к введению книге пепел и кровь. Читайте смотрите подписывайтесь.

© Тихонов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Находка	5
Глава 2 Ритуал	10
Глава 3 прощание	18
Глава 4: Золотые стены и чужие улыбки	22
Глава 5 регеровка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Максим Тихонов

Печать души

Глава 1: Находка

Я вышел на улицу. Лёгкий ветер донёс едва уловимый аромат цветов, что росли у самого крыльца — терпкий, сладковатый, будто лето решило напомнить о себе через запах. В этот момент на моём трейбусе пришло сообщение. Я мысленно открыл его и текст повис перед глазами.

— Жду там же, у тебя тридцать минут, — гласил текст, а в конце красовался весёлый смайлик.

Я не стал отвечать. Просто ускорил шаг, сворачивая в сторону раскидистого хвойного леса. Запах ели всегда поднимал настроение, особенно в эти летние дни, когда смола на стволах плавилась от солнца. Я пригнулся инстинктивно: над верхушками деревьев, разрезая воздух, пролетел чёрный флайр отца. Сегодня он вернулся рано. Нужно было спешить.

Вскоре я оказался на поляне. Она уже ждала меня под старым деревом. Лисеанна. Её чёрные волосы были, как обычно, уложены в аккуратные хвостики, а стройную фигуру подчёркивало серебристое платье, из-за которого в этом лесу она казалась центром притяжения. Взгляд голубых глаз был укориженным, но сдержать улыбку она не смогла — встреча явно была ей в радость.

— Ты задержался, — констатировала она. — Ты выяснил подробности ритуала взросления?

— Нет. Я перерыл магопьютер, подобрал руны отца и зашёл в центральный архив, но там пусто. — Я сел рядом, с хрустом разминая пальцы. — А ты что-нибудь узнала у брата?

— Тоже ничего. Но после ритуала он изменился. И не в лучшую сторону. Стал больше времени уделять учёбе, меньше — мне. Хотя раньше постоянно заботился... Это пугает меня.

— То же самое случилось с моей сестрёнкой Лайлой. — Я помрачнел. — Как думаешь, что за этим стоит?

— Даже не знаю, — покачала она головой, и тени от листьев заскользили по её лицу. — Но тут неподалёку есть старое заброшенное здание. Мне отец рассказывал, что в древности это место называли школой.

Мы вышли на тропинку, ведущую к таинственным руинам. Солнце пекло нещадно, и вскоре по спине побежали первые ручейки пота. Было душно, даже тени леса не спасали от липкого дискомфорта. Я стянул жёлтую футболку и набросил её на плечо.

— Ты чего раздеваешься? — насторожилась Лиси.

— Жарко же.

— Это не повод, — холодно ответила она, но взгляд её вдруг стал каким-то тяжёлым, прилипшим к моим плечам.

— А ты чего так смотришь? Влюбилась, что ли?

— Ну ты и придурок, — фыркнула она, ускорив шаг и обогнав меня, но в голосе не было злости.

Вскоре мы оказались у здания. Оно возвышалось среди деревьев, словно окаменевший скелет прошлого.

— Ого... Какое оно странное, — выдохнул я.

— Да. Отец рассказывал, что раньше люди строили дома из камня собственными руками.

— Ого. Это же сложно, наверное.

— Ещё бы. Но у них ведь не было магии, поэтому и выбора не оставалось.

Здание было примерно в два этажа, полуразрушенное. Первоначальную форму угадывать было бесполезно: повсюду громоздились горы осыпавшихся камней. Мы перешагнули через широкий проём в стене. Внутри пахло сыростью и застоявшейся водой. Всё, что когда-то здесь было, давно поглотило время. Исследуя комнату за комнатой, мы наткнулись на большой зал. Пол практически отсутствовал, лишь узкие каменные балки тянулись над пропастью. Становилось понятно, что мы находимся далеко не на первом этаже, а здание уходит глубоко вниз, в темноту.

— А что мы тут ищем? — спросил я, стараясь не смотреть под ноги.

— Как что? Знания. Отец говорит, в таких местах раньше их было много.

— Да тут нет ничего, кроме грязи и плесени, — возразил я.

— Зато мы тут вдвоём. И теперь это наше новое секретное место.

— Смотри... Кажется, там что-то есть. — Я нагнулся, разгребая песок и труху. — Вот про что твой отец говорил.

Я протянул Лисеанне чёрный прямоугольник. Грани его были странно гладкими, неестественными для камня или металла, которые мы знали.

— О! Я знаю, что это, — обрадовалась она, глаза её загорелись.

— Так говори быстрее.

— Ага. Разбежалась. Что предложишь в обмен?

— Вечно ты со своими обменами. Мы же друзья.

— Без обмена нет прогресса, — припечатала она, подбрасывая находку на ладони. — Если я буду просто так тебе всё рассказывать, ценность во мне сразу упадёт.

— Но это нечестно, Лиси. Твой род очень знающий, а мой лишь спрашивающий. Мне нечего тебе предложить.

— Так узнай что-нибудь. Накопи знаний и усиль тем самым свой род. Больше учись — и твой род тоже станет знающим. — Она лукаво посмотрела на меня. — Ну а раз предложить нечего, давай услугу.

— Какую в этот раз, Лиси? — Я почувствовал, как кровь прилила к лицу, потому что уже догадывался, какого рода услуги она любила.

Она смутилась, отвела взгляд, но голос её прозвучал твёрдо:

— Как обычно. Массаж шеи и плеч. Двадцать минут.

— Ты совсем обалдела? Название какого-то прямоугольника этого не стоит.

— Ещё как стоит. — Она прижала находку к груди. — Я скажу не только название. Я его ещё и включу.

— Ага! Значит, это какое-то устройство, — сразу поймал я её на слове.

— Да. Но больше ничего просто так не скажу.

Я посмотрел на неё, потом на странный предмет и сдался:

— Сдаюсь. Ладно, двадцать минут массажа.

— Отлично! — Она просияла. — Это смартфон.

— Смарт... что?

— Проще говоря — древний трейбус. Вот смотри.

Она вытянула руку, сосредоточилась и прошептала заклинание. Я не расслышал слов. Ничего не произошло. Ни через минуту, ни через две. Я смотрел на её напряжённое лицо, на котором выступила испарина от усилий.

— И что? Фокус не удался? — рассмеялся я.

— Ещё пару минут жди, — процедила она сквозь зубы.

И вдруг устройство засветилось. На чёрной глади вспыхнула яркая надпись, заливая всё вокруг неестественным белым светом.

— Ого! Как ты это сделала?

— Всё просто. Создала магнитное поле. Раньше люди носили их для связи и заряжали с помощью полей. Кажется, они называли это электричеством. — Она выдохнула, устало улыбаясь. — Я точно не помню, отец уже показывал мне такие устройства и объяснял, как включать.

— Но он же жуть какой большой... И как же он передаёт картинки в голову? — Я заворожённо смотрел на мерцающий экран.

— А он и не передаёт. Всё — вот здесь, на экране. Раньше не было телепатических чипов в устройствах. Раньше всё было иначе... — Она перевела взгляд со смартфона на меня, и в глазах её плескалось что-то похожее на восторг. — Мир был совсем другим, понимаешь?

Она что-то потыкала по экрану, и тот начал показывать изображение вокруг, будто впуская в себя лес. Я заворожённо смотрел, как на гладкой поверхности вспыхивают зелёные пятна, складываясь в знакомые очертания.

— Вот, они тоже умели фотографировать, — Лиси немного приобняла меня, и я почувствовал тепло её плеча. Устройство щёлкнуло, издав странный писк, а затем она отдала смартфон мне. — На память. Ведь скоро ритуал взросления. И я буду скучать. Отец заберёт меня на раскопки на несколько месяцев, так что мы увидимся ещё не скоро.

— Я тоже буду, — честно признался я, рассматривая получившееся изображение. Мы стояли на фоне старой каменной кладки, и я впервые видел себя со стороны — растерянного, с мокрой от пота футболкой на плече, и её — сияющую, даже в полумраке руин. — А теперь пойдём на улицу. Ты же не хочешь, чтобы я массирувал твои плечи в этом мрачном месте.

— Идём! — весело сказала она, и мы вышли обратно в лес.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в густые янтарные тона. Я усадил Лису на мох под старым деревом, сам встал у неё за спиной и принялся разминать напряжённые плечи. Она тихонько выдохнула, расслабляясь, и я почувствовал, как её доверие ложится на мои ладони тяжёлым, но приятным грузом. Мы молчали. Слова были не нужны.

Когда время вышло, она поднялась, отряхнула платье и, не глядя на меня, быстро коснулась губами моей щеки.

— Береги себя, — сказала она и, не оборачиваясь, пошла к тропе, ведущей к её дому. Я смотрел ей вслед, пока серебристое платье не растаяло среди стволов.

Спустя несколько часов я вернулся домой.

Наш дом не был похож на те, что строили из камня древние. Он рос здесь, из земли, ещё до моего рождения. Мощные стебли гигантской травы, переплетённые между собой, образовывали живые стены, которые дышали вместе с ветром и тихо шелестели, когда я проводил по ним рукой. Крыша из широких листьев фильтровала свет, делая его мягким, изумрудным. Внутри пахло свежей землёй и чем-то сладким — цветы, вплетённые в стены, раскрывались к вечеру. Под ногами пружинил мох, такой густой, что заглушал шаги. Я любил этот дом. Он всегда казался мне живым существом, которое помнит всё, что в нём случилось.

— Мам, пап, Лайла, я дома! — крикнул я, переступая порог.

Сначала никто не ответил. Тишина показалась мне странно плотной. Потом из глубины дома послышались шаги, и в главную залу вышла мать. Она улыбнулась, но улыбка вышла какой-то вымученной.

— Андриан, — сказала она мягко. — Садись. Нам нужно поговорить.

Я перевёл взгляд на отца. Он стоял у стены, сплетённой из стеблей, и смотрел куда-то в сторону. Рядом с ним, опустив голову, сидела Лайла. Моя старшая сестра. Её волосы, такие же рыжеватые, как у меня, тускло мерцали в вечернем свете.

— Что случилось? — спросил я, чувствуя, как внутри разрастается холодное пятно.

— Завтра Лайлу забирают, — сказал отец ровным голосом, будто речь шла о том, что погода испортилась. — Ей исполнилось шестнадцать. Пора переходить в другую семью. Она уходит в семью Брейквиллов. За это они дадут необходимые нашей семье заклинания.

Я смотрел на Лайлу. Она подняла глаза, и я увидел в них что-то, чего раньше не замечал — грусть. И отстранённость. Как будто что-то потускнело в ней после ритуала.

— Ты же... ты же не хочешь? — спросил я, обращаясь к ней.

Она слабо улыбнулась.

— Так принято, Андриан. Я справлюсь. В роду Брейквиллов много знаний и уже мои дети смогут сами выбрать себе партнёров. Такова жизнь.

Я знал этот обычай. Все рода в ранге спрашивающих работали за услуги. И вырастить и отдать ребёнка в качестве брака — это тоже была услуга. За это этим семьям давали знания. Технологии.

Я перевёл взгляд на отца, на его каменное лицо, и вдруг с острой ясностью понял то, о чём мы с Лисой говорили сегодня днём. Ритуал. Перемены. Пустота. Это было здесь, прямо в моём доме.

— А если я не хочу, чтобы она уходила? — мой голос прозвучал резче, чем я планировал.

Отец посмотрел на меня, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то — может быть, удивление, может быть, что-то ещё. Но лицо осталось непроницаемым.

— Мы не выбираем законы, Андриан. Мы живём по ним.

Я хотел возразить, но мать положила руку мне на плечо, и я замолчал. Вечер тянулся медленно, как застывшая смола. Мы ужинали в молчании, и только стены из живой травы тихо шелестели, будто о чём-то перешёптывались.

Позже, когда я лежал в своей комнате и смотрел на мерцающие огоньки светящихся грибов, вкрапленных в потолок, я достал смартфон. На экране всё ещё светилось наше с Лисой фото. Я провёл пальцем по гладкой поверхности, и вдруг изображение сменилось. Там, где мы только что стояли на фоне руин, теперь появилась надпись. Я не сразу понял, что это, — буквы были непривычными, угловатыми. Но одно слово я смог разобрать. Оно повторялось дважды, выделенное ярким цветом: ****Проект силы****.

Я снова достал смартфон из-под подушки. Экран вспыхнул, и я взглянул в надпись, которая теперь казалась мне не просто случайными символами, а чем-то важным. «Проект силы». Эти слова я понял.

Я осторожно провёл пальцем по гладкой поверхности, как делала Лиси. Изображение дрогнуло, и передо мной развернулся длинный столбец текста. Буквы были угловатыми, непривычными, но в них угадывалось что-то знакомое. Анейский. Наш язык. Только очень старый, какой-то неправильный.

Я попытался прочитать:

«...когда ядро силы будет сформировано...»

Дальше — непонятно. Какие-то слова рассыпались, не складывались в связное. Я знал анейскую грамматику, но здесь всё было иначе: окончания съехали, корни исказились. Словно кто-то говорил на языке моих предков, но забыл половину.

Я перевернулся на живот и нашарил на столе свой магопьютер. Это был тонкий лист застывшей смолы, в который были вплетены руны отца. Когда я касался его, внутри вспыхивали тусклые зелёные линии — контуры заклинаний, хранящих знания. А картинки транслировались прямо в голову. Отец разрешал мне пользоваться им только для учёбы, но сейчас я хотел найти совсем другое.

Я придвинул устройство ближе и сосредоточился. Нужно было скопировать текст со смартфона. Я не знал заклинания для прямого переноса, поэтому просто мысленно перерисовывал букву за буквой. Получалось медленно, мысли путались в угловатых формах. Но я упрямо выводил каждую.

Когда текст оказался передо мной, я наложил на него поисковую руну. Магопьютер загудел, проекция слов поплыла в воздухе, подсвечивая совпадения. Зелёные метки указывали на отдельные корни, на обрывки фраз. Система выдавала варианты: «Проект силы», «создать ядро магии», «использовать жертву как катализатор...». Я замер. Сердце сжалось.

Я нашёл одно предложение, которое удалось сложить почти полностью:

«Те, кто проходит обучение, открывает перед собой новый путь развития».

Дальше текст обрывался, но в конце стояло ещё несколько слов. Я разобрал их. Руна захвата души жертвы. И изображение рун.

Я выключил магопьютер и откинулся на подушки. Перед глазами всё ещё плыли зелёные строки. Лайлу забирают завтра. Лиса скоро исчезнет на раскопки. А у меня в руках — возможность. Какой-то новый путь в магии. И пусть звучало всё абстрактно, но было ясно, что я сорвал джекпот.

Я посмотрел на смартфон. Экран погас, превратившись в простой чёрный прямоугольник. Но теперь я знал, что внутри него спрятано больше, чем мы с Лисеанной нашли в руинах. И если я хочу спасти Лису — и себя, — мне нужно научиться читать эти древние письмена.

Времени было в обрез. Но я решил: начну прямо завтра. С утра, когда Лайлу заберут, я засяду за язык.

Я спрятал смартфон в тайник под матрасом — там, где мать не найдёт, — и погасил свет. Светящиеся грибы в потолке мерцали слабо, как далёкие звёзды.

Я почти не сомневался: эта находка изменит всё. Вопрос только в том, успею ли я что-то понять, пока не стало слишком поздно.

Глава 2 Ритуал

Я просидел над магопьютером с самого утра.

Смартфон лежал рядом, тёмный и безмолвный, но я уже знал: внутри него не просто древняя игрушка. Там был ответ. Или, точнее, ключ к ответу.

Перевести текст оказалось сложнее, чем я думал. Древний анейский напоминал язык, на котором говорили бабушка с дедушкой, но слова там жили по другим правилам. Магопьютер помогал, но не всегда. Некоторые фразы складывались только после того, как я перебирал десятки вариантов, сверяясь с рунами и старыми книгами, которые отец хранил в своём кабинете.

Но я собрал картинку.

Ритуал взросления — это не посвящение, как нам говорили. Это печать. Взрослые формируют у ребёнка ядро силы и одновременно запечатывают его эмоции. До двадцати пяти лет. Чтобы не отвлекался. Чтобы учился. Чтобы не чувствовал слишком сильно.

Я вспомнил взгляд Лайлы перед тем, как её забрали.

А потом я нашёл другое. Альтернативный способ. Древний, почти забытый. Формирование пустого ядра. Наполнение его энергией природы — из источника, воды, земли. И последний шаг: жертва. Живое существо, чья сила станет катализатором.

Лайлу забрали. Лиса уезжала на раскопки через несколько недель. Время таяло, как песок между пальцами. Если я не успею сформировать своё ядро до того, как отец поведёт меня на ритуал, меня сделают пустым. А я не хотел стать таким, как они.

Я решил действовать.

Несколько недель ушло на подготовку. Я изучил ритуал до мельчайших деталей, выучил руны, нашёл подходящее место — ложбину в чаще леса, где густые кусты с листьями размером с ладонь скрывали от ветра и чужих глаз.

В день, когда всё должно было случиться, я ушёл туда затемно.

Земля была влажной от недавнего дождя. Я сел в позу медитации: ноги скрещены, спина прямая, руки на коленях, ладонями вверх. Закрыл глаза, выровнял дыхание — вдох через нос, выдох через рот. Всё, как было указано в смартфоне.

Я ощутил энергию вокруг: лёгкое покалывание в воздухе, как статическое электричество перед грозой. Напрягся и начал собирать её, мысленно вытягивая из каждой клетки. Сначала из пальцев ног — там энергия была густой, земной, связанной с корнями травы. Потом из живота, где она кружилась вихрем. В руках и ногах закололо, словно тысячи иголок вонзились в кожу.

Мир шептал: «Встань, Андриан. Пройдись, разомни ноги». Голоса природы всегда были такими — тихими, но настойчивыми. Я стиснул зубы, отгоняя отвлечения, и сосредоточился на потоке. Энергия стекалась к центру груди, сжимаясь в плотный шар — горячий, пульсирующий.

Вселенная не любила приказов. Она сопротивлялась — я чувствовал это как давление в висках, будто воздух густел, пытаюсь вытолкнуть мою волю. Шар в груди закрутился быстрее, нагреваясь, и вдруг... щёлк.

Что-то внутри сломалось, но не в плохом смысле. Словно замок открылся. Энергия хлынула свободно, разливаясь по венам.

Тело стало легче, будто гравитация ослабла. Я направился к озеру.

Озеро было небольшим — метров тридцать в диаметре, с чистой водой, где отражались облака. Я разделся, оставив одежду на берегу, и вошёл по пояс. Холод бодрил после жара медитации.

Второй этап прошёл легче. Я сразу почувствовал энергию воды и отправил её в ядро.

Чтобы проверить себя, я сконцентрировался на воде, что стекала с кожи. Капли повиновались, собрались в ручеёк и вернулись в озеро. Раньше такой фокус занял бы минуты, теперь — секунды.

Я попробовал сложнее: поднял руку, и вода из озера взметнулась фонтанчиком, формируя шар в воздухе. Он покрутился, потом расплескался. «Ещё не идеально, но лучше, чем у Борба в его возрасте», — подумал я, вспомнив, как брат хвастался подобным на семейном ужине.

Я вышел на берег. Оставалась финальная часть ритуала.

Я взял кинжал, зачарованный на остроту, и углубился в лес.

Солнце пробивалось сквозь кроны, рисуя на земле золотистые пятна. Пахло хвоей и прелой листвой. Сердце колотилось где-то в горле, но я гнал страх прочь.

Следы кайтера нашёл у ручья. Отпечатки лап были свежими, ещё влажными на краях. Я присел, выдохнул и настроился на ауру зверя. Моё новое ядро ещё не работало в полную силу, но я уже чувствовал природу иначе — мир стал громче, ярче, плотнее. Я закрыл глаза и попытался представить нити жизни, тянущиеся от каждого дерева, каждого куста.

Кайтер был недалеко. Я ощутил его как горячее пятно в груди — яростное, сильное, пульсирующее.

Я пошёл на этот пульс.

Встретились мы в овраге. Он стоял у подножия склона, обгладывая кости какой-то мелкой дичи. Увидев меня, зверь поднял голову, и его глаза — ярко-зелёные, с вертикальными зрачками — впились в меня. Из пасти свесилась кровавая слюна. Шерсть на загривке встала дыбом.

— Ну, привет, — прошептал я, сжимая кинжал так, что побелели пальцы.

Ответом стал рык — низкий, вибрирующий, будто сама земля подала голос.

Кайтер сорвался с места мгновенно.

Я даже не успел вдохнуть. Только рефлекс — тело само ушло в сторону. Я перекатился по сырой земле, и в тот же миг когти зверя с хрустом вспороли кору дерева там, где секунду назад было моё плечо. Щепки брызнули в лицо, одна царапнула щёку. В нос ударил запах свежей древесины и гнили.

Земля взлетела комьями. Кайтер приземлился тяжело, почти беззвучно — слишком плавно для такого размера — и сразу развернулся, не давая мне ни секунды.

Он прыгнул снова.

Я оттолкнулся пятками, скользя по грязи, едва успевая уйти от удара. Когти прошли в нескольких сантиметрах от груди. Воздух свистнул, как от лезвия. Сердце ударило в горло.

Слишком быстрый...

Я стиснул зубы и резко поднял руку.

В памяти всплыло заклинание — скучное, заученное в классе, которое я тогда едва не проспал. Теперь оно было единственным, что могло спасти.

Я сосредоточился.

Ядро в груди откликнулось мгновенно — тёплым толчком, словно живое. Энергия потекла в пальцы. В воздухе передо мной дрогнули линии, сложились в знак — руну Воздуха.

Я рванул её вперёд.

Вихрь взорвался вокруг меня.

Пыль, листья, сухие ветки взметнулись, закружились плотной стеной. Воздух завыл, ударяя в уши. Мир превратился в хаос из серых и зелёных полос. Я чувствовал поток — он слушался, подчинялся.

Кайтер влетел прямо в вихрь.

Он взревел, резко затормозил, мотая головой. Песок и мусор били его по глазам и морде. Зверь отступил на шаг, теряя ориентацию.

Мой шанс.

Я рванул в сторону, обходя его по дуге, стараясь держаться вне поля зрения. Сердце колотилось, дыхание сбилось, но тело двигалось само — быстрее, увереннее, чем раньше.

Но кайтер не был глуп.

Он замер на долю секунды... и втянул воздух.

Глубоко.

Я понял слишком поздно.

Зверь резко повернул голову прямо в мою сторону. Ноздри расширились, губы оскалились, обнажая клыки.

И он рванулся.

Я бросился назад, но не успел полностью уйти. Коготь прошёлся по рукаву, разрывая ткань и цепляя кожу. Острая, жгучая боль полоснула по руке.

Я зашипел, отскакивая.

Адреналин вспыхнул в крови, заглушая боль, делая мир резче, ярче. Каждый звук стал громче — дыхание зверя, треск веток, собственный пульс.

Нужно закончить быстро...

Ритуал.

Руна.

Без неё всё зря.

Кайтер снова пошёл в атаку — уже осторожнее, прижимаясь к земле, обходя меня полукругом, выжидая момент. Его хвост медленно бил по траве, глаза не отрывались от меня.

Я сделал шаг вперёд.

И в этот момент он прыгнул.

Я рванулся навстречу.

Мы столкнулись.

Я вцепился в его шерсть — жёсткую, густую, пахнущую кровью и дикой звериной силой — и, используя его же импульс, подтянулся, закидывая ногу через спину.

Зверь взвыл.

Его тело дёрнулось, мышцы подо мной перекатывались, как канаты. Он начал трясти меня, пытаясь сбросить.

Я едва удержался.

Одной рукой я вцепился глубже в шерсть, чувствуя, как она скользит от крови. Другой — поднял кинжал.

— Тихо... — выдохнул я сквозь зубы.

И ударил.

Лезвие вошло с трудом. Кожа оказалась плотной, как старая кожа доспеха. Я надавил сильнее, ведя линию.

Первая черта.

Кайтер взревел и рванулся в сторону, ударившись боком о дерево. Меня швырнуло, плечо прострелила боль, но я удержался, вжимаясь в его спину.

Вторая линия.

Кровь хлынула горячей струёй, заливая пальцы. Руки начали скользить.

Зверь прыгнул, ударился о землю, перекатился — мир перевернулся. Я едва не сорвался, но вцепился ногами, как клещ.

Третья линия.

Руна начинала складываться.

— Давай... давай же... — прошептал я, уже почти не слыша собственного голоса за рёвом.

Кайтер метался, бился о стволы, ломая ветви. Деревья трещали, кора летела клочьями. Каждый удар отдавался в теле глухой болью.

Последний штрих.

Я провёл лезвием, завершая символ.

На долю секунды всё замерло.

А затем руна вспыхнула.

Синим.

Ярким, холодным светом.

Кайтер застыл, будто его выдернули из движения. Мышцы подо мной напряглись... и обмякли.

Связь щёлкнула.

И мир исчез.

Моё сознание сорвалось вниз — или вверх — или внутрь.

Куда-то.

Кругом царил тьма. Не было ни пола, ни потолка — только вязкая, густая пустота, давящая на сознание.

Я попытался вдохнуть — и не смог.

— ... Вот значит как, — голос раздался не снаружи, а внутри. — Ты даже не понял, кого тронул.

Давление обрушилось сверху. Я рухнул на колени, хотя подо мной не было земли.

— Как ты посмел меня вытащить? — теперь голос звучал тише, но от этого страшнее.

— Из всех тел... из всех оболочек... ты выбрал именно эту.

Я замер.

Эту?

— Я... охотился на кайтера... — выдавил я.

Тишина.

А потом — короткий, сухой смешок.

— Кайтер? — с насмешкой повторило существо. — Ты правда думаешь, что это было просто животное?

В темноте вспыхнули глаза.

Не звериные.

Слишком... осмысленные.

— Ты видел только оболочку, — продолжил голос. — Но не душу. Не слой под ней. Не то, что спало.

Меня прошиб холод.

— Ты... был внутри него?

— Я выбрал его, — спокойно ответило существо. — Слабое тело. Тихая жизнь. Забвение.

Никаких охотников. Никаких интриг.

Пауза.

— Покой.

Давление усилилось.

— И ты всё это разрушил.

Я сжал зубы.

— Тогда это не моя ошибка... — прошептал я. — Я не мог знать.

— Мог, — резко отрезал голос. — Если бы понимал, во что лезешь. Ты же даже не понимаешь какой обряд хотел завершить. Вижу по глазам, что нет.

Тьма сжалась вокруг меня.

— Ты не охотник, мальчик. Ты — дилетант с ножом.

Я заставил себя поднять голову.

— Тогда почему ты не разорвал меня сразу?

Тишина.

Долгая.

Опасная.

— Потому что... — медленно произнесло существо, — ты уже начал процесс.

Я почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

— Теперь мы связаны. И я буду поглощать тебя за твою глупость.

Тем временем с телом Андриана творилось невообразимое. Он парил в воздухе над поляной, словно подвешенный на невидимых, натянутых до предела нитях, а внизу бездыханным телом лежал кайтер, из которого бил ослепительный столп синего света. Он не был ровным — поток пульсировал, рвался, словно внутри него что-то билось и пыталось вырваться наружу. Свет пронзал мальчика насквозь, выгибая его тело, как под ударами тока, и уходил в самое небо, разрывая облака и освещая лес, как холодный маяк.

Воздух вокруг гудел. Листья дрожали, будто от скрытой вибрации. Кора на деревьях трескалась тонкими линиями, словно не выдерживая давления.

Вдруг этот энергетический поток резко прервался.

Не угас — оборвался.

Свет, уже было устремившийся в космос, сжался в мгновение ока, как если бы его схватила невидимая рука, и с новой, чудовищной силой обрушился внутрь мальчика, врезаясь в него, словно таран. Тело Андриана дёрнулось. Мышцы одновременно напряглись, пальцы скрючились, вены выступили под кожей, а из горла вырвался сдавленный, почти беззвучный крик.

И в голове эхом отозвался смех существа.

Не звук — давление.

Смех, от которого вибрировали мысли.

Мощная волна энергии разошлась во все стороны — не как ветер, а как удар. Она прокатилась по земле, заставляя траву ложиться, как под ураганом, прошла сквозь деревья, заставляя ветви трещать, и исказила воздух, будто пространство на секунду стало жидким.

И её тут же увидел отец, Рейн, из их дома в Зелёном Оплоте. Он стоял у окна, изучая свиток с новыми рунами, когда вспышка озарила горизонт.

Свет был неправильным.

Слишком холодным.

Слишком... живым.

«Прорыв существа с другого плана!» — мелькнула ужасная догадка. «Но кто впустил его в этот мир? И почему?.. Неужели пробудили демона? Судя по вспышке — из третьего круга силы...»

Сердце сжалось.

Его мысли уже опережали тело, пока он мчался в сторону всплеска, перепрыгивая через корни и расчищая путь волей. Земля под ногами словно сама подталкивала его вперёд, камни смещались, корни уходили в сторону.

Дом остался позади — зелёные стены шелестели на ветру.

«В той стороне мой сын! Я должен его спасти!»

На бегу его воля воплощалась в приказах.

Руна Земли — простая, круг с линиями, — и из почвы взметнулись каменные доспехи, облепившие его фигуру: пластины из уплотнённой земли с глухим треском сходились, сцеплялись, становясь твёрдыми как камень, но при этом подвижными, как мышцы.

Закливание Воды — он черпнул из воздуха влагу, — и в руках сгустилось и застыло ледяное копьё, напитанное его яростью и страхом: остриё длиной в метр, холодное до белого инея, с треском замерзающего воздуха вокруг.

Температура вокруг него резко упала.

Дыхание стало видно.

Ветер летел впереди, расчищая дорогу, сгибая траву, ломая сухие ветви, а поисковые заклятья уже прощупывали местность, выискивая ауру сына — слабую, знакомую... и искажённую.

Он понимал: столкновение с таким демоном грозит гибелью. Но он был охотником. А какой охотник бросит своего ребёнка и убежит с добычи?

Его знания были обширны, а последний обмен — дочь, отданная в чужой род, — принёс ему величайшее знание: заклинание Копья ледяной смерти. Его не создать простой руной. Оно требовало целого обряда: сдерживания чудовищной энергии, концентрации, циркуляции и подпитки.

Десятки нюансов, отточенных до автоматизма, работали теперь на одно — на спасение сына.

Рейн бежал, чувствуя, как сердце колотится, а в уме прокручивает варианты.

Он вбежал на поляну — и остолбенел.

Его сын парил в воздухе.

Неподвижно.

Одежды на нём не было — разорваны в бою, — кожа местами обожжена энергией, глаза были закрыты.

Отец перешёл на духовное зрение: мир стал серым, тусклым, будто выцветшим, но ауры засияли.

И то, что он увидел, шокировало его.

Аура Андриана не просто искажалась — она разрывалась изнутри. Его душа поглощалась, втягивалась, переплеталась с чем-то чужим, превращаясь в часть неведомой чудовищной энергии — тёмной, с зелёными вспышками, как яд, медленно проедающий ткань реальности.

Мысли понеслись вихрем, пока он проводил молниеносный анализ.

Следы ритуала... на теле кайтера символ жертвы... Глупец! Он ещё слишком слаб для такой магии! И откуда он вообще о ней узнал?

Стоп. Что пошло не так? Даже если существо убивает человека, тело должно умереть, а зверь — просто съест его. Но здесь всё иначе: энергия течёт внутрь.

Животное мертво. Налицо переселение души и захват тела. Обычный кайтер на это не способен...

Значит, это очень старая душа высокого ранга.

И она уже внутри.

Если бы он просто убил кайтера, тот переродился бы в другом звере. Но теперь... мой сын разбудил нечто ужасное.

Нужно запечатать. Сейчас.

Но время ещё было.

Мальчишку можно было спасти, а существо — запечатать.

Рейн, мастер запретных печатей, начал творить.

В воздухе одна за другой вспыхивали руны: красные линии не просто светились — они прожигали пространство, оставляя за собой след, как раскалённый металл по стеклу. Круги с символами сдерживания, жертвы и баланса вращались, накладывались друг на друга, создавая сложную, многослойную структуру.

Воздух гудел.

Реальность сопротивлялась.

В этот момент Андриан открыл глаза.

Зрачки дрогнули.

Фокус поймал отца.

— Отец, что ты задумал?! — его голос прозвучал чужим, наложившись на собственный, как два звука, идущие одновременно, но чуть смещённые. — Остановись, отпусти руны!

Но было поздно.

Алые цепи, вырвавшись из рук Рейна, с резким свистом ударили в тело мальчика, оплетая его, врезаясь в кожу, оставляя тлеющие следы, обвиваясь вокруг рук, ног и торса, как живые змеи.

Тело дёрнулось.

— Не глупи, старик! — резко сменился тон, и в голосе появилась тяжесть, глубина, чужая воля. — Давай всё обсудим. Ты же не хочешь сделать хуже.

Рейн даже не поднял взгляд.

— Нечего обсуждать! Кем бы ты ни был, я тебя запечатаю!

Короткая пауза.

А потом — тихий смешок.

— Запечатываешь? — протянуло существо. — Ты правда думаешь, что ещё есть что запечатывать?

Цепи дрогнули.

— Но тогда ты погибнешь! — продолжил демон, теперь уже спокойно, почти мягко. — А душа твоего сына будет связана со мной навеки.

— Если я этого не сделаю, ты его поглотитишь!

— Поглотить? — в голосе появилась насмешка. — Ты опоздал с этим словом.

Пауза.

— Он уже впустил меня.

Существо сделало отчаянную попытку вырваться — тело Андриана дёрнулось, цепи затрещали, пространство вокруг них пошло волнами, — но они держали крепко, подпитываемые душой Рейна.

— Этот «малец» — мой сын! — прорычал Рейн, игнорируя боль, от которой уже темнело в глазах.

— Стой! Остановись! — закричал уже сам Андриан, голосом, едва слышным из глубины собственной души. — Папа, нет! Я не хочу жить ценой твоей жизни!

Но отец его не слышал.

Руны появлялись одна за другой.

Его душа была чернилами для этих рун.

Он писал на самой реальности, выкладывая условия сдерживания, создавая хрупкий баланс.

Вселенная сопротивлялась.

Требовала цену.

И он платил.

Ещё несколько секунд — и печать будет завершена.

Рейн мысленно видел её целиком — сложную, идеальную, как механизм.

Труды всей его жизни нашли воплощение в эти мгновения.

Но вместе с этим он чувствовал, как что-то внутри него сгорает.

Медленно.

Неотвратно.

Мальчик опустился на землю, опутанный алыми цепями.

В воздухе же, в центре энергетического вихря, зависло существо.

Теперь его было видно ясно.

Оно было похоже на изваяние из ночи и ярости: могучее, двуногое, с рогами, изогнутыми, как серпы искажённых лун. Кожа была испещрена мерцающими татуировками-шрамами, которые медленно двигались, словно живые.

Глаза — огромные, лишённые зрачков — пылали холодным зелёным огнём.

И они смотрели.

Прямо.

Осознанно.

— Ты даже не понимаешь, что делаешь, — тихо сказал демон.

Мастер загасил последние штрихи.

В тот же миг из его рта хлынула струйка крови, и он рухнул на колено; копьё выпало из рук и разбилось на осколки льда.

— Тебе не хватит сил! — просипело существо, и его смех прозвучал, как ломаемый металл.

— Это мы ещё посмотрим, — сквозь стиснутые зубы улыбнулся Рейн.

С усилием.

Через боль.

Он поднялся.

Посмотрел на сына.

— Смотри, сынок... Всегда смотри смерти в глаза.

Он дёрнул за невидимые нити чар.

И с оглушительным рёвом, от которого задрожала земля, существо втянуло в тело.

На груди Андриана вспыхнул рисунок.

Не просто знак.

Печать.

Живая.

Многослойная.

Она пульсировала, как сердце.

И в её центре... что-то смотрело в ответ.

Андриан в последний раз увидел, как пойманное существо яростно бьётся в своей новой клетке.

И услышал его немой рёв.

Не ушами.

Внутри себя.

А потом его сознание просто... отключилось.

Тело, опустошённое до дна, в котором не осталось ни капли энергии, наконец-то сдалось.

Глава 3 прощание

К месту происшествия вскоре прибежала моя мать, Сара. Она неслась через лес, не разбирая дороги, и трава сама расступалась перед ней, словно чувствовала ярость и страх, бушующие в её ауре. Её мантия из тонких листьев была изорвана колючими ветками, волосы растрепались, лицо покрылось пылью и потом. Когда она выскочила на поляну, то резко замерла.

Отец лежал на земле неподвижно, с открытыми глазами, но взгляд у него уже был пустой — душа покинула тело. Я сидел рядом с ним на коленях, бледный, с закрытыми глазами; грудь едва поднималась. Прямо над сердцем на моей коже пылала печать — сложный узор из алых и чёрных линий, пульсирующий, как живое сердце. В воздухе всё ещё держался запах озона и горелой магии, а тело кайтера рядом уже начинало рассыпаться в пыль — в пустую оболочку.

Мать рухнула на колени рядом с отцом и коснулась его щеки. Холодная. Ей хватило одного взгляда, чтобы всё понять. Отец всё-таки зашёл слишком далеко. Переступил черту.

Я видел, как это понимание молнией пронеслось в её глазах.

«А ведь я умоляла его быть осторожнее! — будто кричало всё в ней. — “Изучай магию жизни!” — говорила я ему ночами, когда он запирался в подвале. “Жизнь, Рейн, не смерть! Не лезь в запретное!” Но он не слышал. Никогда не слышал».

Печати души... Да, технически это тоже была магия жизни, но в самой тёмной, изуродованной своей форме. Знания, находившиеся под строжайшим запретом во всех семьях Оплота. Слишком серьёзные силы там использовались, а последствия всегда оказывались чудовищными. И вот он, наглядный итог: заклинатель мёртв, сын — на волоске от гибели, а в его груди заперто нечто, что однажды может разорвать его изнутри.

Все эти мысли, наверное, пронеслись в её сознании за доли секунды, потому что руки у неё уже действовали сами. Мать обрушила на меня целый каскад заклинаний жизни: зелёные нити света потекли из её ладоней, проникая в раны, в клетки, в саму кровь. Она словно приказывала каждой клетке — заживать, восстанавливаться, бороться. Её воля, острая и отточенная годами целительской практики, работала с хирургической точностью: затягивала разрывы мышц, останавливала внутреннее кровотечение, вытесняла яд усталости из тканей. Но печать на моей груди не поддавалась — она пульсировала в ответ, будто насмехалась над ней.

— Что же этот безумец с тобой сделал, сыночек?.. — прошептала мать.

Я не слышал этих слов тогда, но позже не раз представлял, как у неё по щекам текли горячие слёзы, а она всё равно не позволяла себе остановить исцеляющий поток ни на миг. Голос у неё дрожал, но руки — нет. Она не имела права на слабость. Не в тот момент.

Спустя некоторое время на поляну, тяжело дыша, выбежали мои старшие братья — Борб и Крит. Борб, крепкий шестнадцатилетний парень с широкими плечами и коротко остриженными волосами, первым увидел отца. Его лицо перекосило, кулаки сжались так сильно, что побелели костяшки.

— Папа... — выдохнул он сорванным голосом.

Крит, старший, девятнадцатилетний, уже с по-настоящему взрослой аурой, просто стоял и смотрел на тело. Глаза у него были сухими, но губы дрожали. Он подошёл к матери, молча опустился рядом и помог ей поднять меня. Борб взял на руки тело отца — осторожно, как будто нёс что-то хрупкое и бесценное.

Домой они несли нас молча. По дороге Борб несколько раз всхлипнул, но каждый раз быстро стирал слёзы рукавом. Крит шёл впереди, прокладывая путь силой воли — трава расступалась, ветки гнулись. Когда мы дошли до дома, в главном зале тело отца положили на каменный стол, покрытый мягким мхом. Мать провела рукой — и тело начало медленно растворяться в зелёном свете; частицы одна за другой уносились ветром через открытое окно.

В нашем мире верили в перерождение и находили тому доказательства в изучении ауры живых существ. Поэтому могил здесь не рыли. Вместо них в каждом доме была особая комната памяти, где на резной полке хранились фотография ушедшего — выжженная магией на тонкой пластине из листа — и рядом его автобиография, свиток с историей жизни, который каждый маг писал для себя сам. Отец так и не дописал свой.

Меня отнесли в мою комнату. Очнулся я лишь спустя несколько часов. Всё тело горело, в голове гудело, а в груди пульсировала печать — как второе сердце.

Мать сидела рядом и держала меня за руку. Когда я открыл глаза, она не улыбнулась — только сильнее сжала мои пальцы.

— Ты жив, — тихо сказала она. — Сейчас это главное.

Потом мы ушли в её кабинет — маленькую комнату, которая обычно была наполнена уютным светом светящихся грибов и ароматом целебных трав. Но в тот день воздух там казался тяжёлым, чужим. Полки с фолиантами, сушёные пучки растений, старый стол из живого дерева — всё выглядело так, будто я попал в кошмар.

Я сел на стул и опустил голову. Слова путались, ломались, сбивались, но я всё-таки рассказал ей всё. С самого начала. О первой встрече с кайтером. О безумном желании подчинить его силу. О том, как узнал про ритуал из смартфона. О жутком голосе у себя в голове. О появлении отца. Голос у меня дрожал, несколько раз я замолкал, потому что ком в горле не давал говорить дальше.

Когда я закончил, в комнате повисла тишина.

Мать нарушила её первой.

— Это был несчастный случай, — тихо сказала она.

Я резко вскинул голову.

— Нет... нет, это не так. Это я... я во всём виноват! — вырвалось у меня, и я снова едва не расплакался. Стыд жёг изнутри, как кислота. Перед глазами вспыхнуло, как отец поднимался с колена, истекая кровью изо рта, и говорил: «Смотри, сынок... Всегда смотри смерти в глаза». Эти слова теперь резали меня изнутри. — Если бы я не полез за руной... если бы не побоялся ритуала взросления... если бы просто слушал вас...

Мать так сильно сжала мою руку, что стало больно.

— Нет, Андриан. Случившегося не вернуть, но это был его выбор. Он принял его, чтобы спасти тебя. — Её голос дрогнул впервые. — Он всегда выбирал знания. И тебя. Ты был для него важнее всего.

Я замотал головой. Слёзы капали на пол.

— Но я испугался... я так испугался. Боялся, что он меня возненавидит. Что все меня возненавидят. А теперь... теперь он мёртв из-за меня. И эта штука во мне... — я коснулся печати на груди, и пальцы у меня задрожали. — Она живая. Я чувствую её. Постоянно чувствую.

Мать долго смотрела на меня, и в её глазах я увидел не только горе, но и суровую решимость.

— Да, ты поступил безрассудно, — сказала она твёрдо, но без упрёка. — Ты виноват в том, что обманул наше с отцом доверье, и в том, что применил незнакомую руну, не понимая, что делаешь. За это тебе придётся отвечать. Но в смерти отца ты не виновен. Слышишь? Не виновен. Он отдал жизнь за то, что любил больше всего. Научись ценить это. И научись с этим жить.

Она замолчала на несколько мгновений, будто собирая силы для следующих слов.

— А теперь запомни раз и навсегда: твои ошибки могут стоить очень дорого. — Мать тяжело вздохнула. — Недавно семейство Лазоревых просило тебя для своей дочери и предлагало твоему отцу редкие заклинания. Я была против, и он отказался. Теперь же... это станет твоим наказанием. Ты покинешь наш дом и станешь частью семьи Лазоревых.

Я вскинул голову так резко, будто меня ударили. В груди всё похолодело.

— Нет, мама, я не хочу! — крик сорвался у меня сам собой. — Я не готов! Я... я не могу просто взять и уйти! Братья... дом... всё, что осталось от отца...

— За свои поступки нужно отвечать и принимать наказание так, как подобает мужчине, — сказала она. Голос её дрогнул, но остался твёрдым. — С высоко поднятой головой. Иначе вина сожрёт тебя изнутри. А теперь иди. Собирай вещи.

Я выбежал из комнаты, не увидев, как по её щекам наконец покатались слёзы. За моей спиной дверь закрылась с тихим шелестом лиан.

Наверное, в тот миг она думала: «Ты должен понести это наказание. Чтобы однажды твоя собственная совесть смогла тебя простить. И чтобы новая жизнь, будущая жена и обязанности отвлекли твоё сердце от этой боли».

В доме Лазоревых Мариус подошёл ко входу в комнату дочери, где вместо двери свисала густая завеса из живых лиан. Их стебли цвета спелой пшеницы мягко светились магией, отбрасывая тёплые блики на пол.

— Дочка, как у тебя успехи? — тихо спросил он, касаясь рукой прохладных листьев.

— Входи, папа, — сразу отозвалась Лисанна.

Едва она это сказала, как плотная стена растительности зашевелилась. Лианы, точно разумные змеи, бесшумно поползли в стороны, открывая проход.

Комната Лисанны разительно отличалась от покоев других девочек её возраста. Она была... странной. В отличие от сверстниц, погружённых исключительно в магию и одиночество, Лисанну куда больше интересовали люди. Ей нравилось общаться, смеяться, спорить. И вся её сущность отражалась в комнате: вместо классических свитков с заклинаниями повсюду лежали художественные книги — истории о героях, любви, приключениях. Стены украшали динамичные картины, нарисованные её же заклинаниями: батальные сцены с драконами, стремительные погони, нежные моменты под луной. Всё было живым, движущимся, полным эмоций.

Мариус вошёл, и на его лице играла едва сдерживаемая улыбка.

— У меня для тебя хорошие новости, — начал он.

Лисанна тут же отложила книгу, и её сердце, должно быть, забилось быстрее.

— Я смог договориться с семейством Кавретовых. Я купил тебе того жениха, которого ты так хотела.

В её глазах мгновенно вспыхнула радость — яркая, ослепительная. Она так сильно скучала по мне. После окончания школы отец начал активно подыскивать ей партию, но Лисанна отвергала всех. Отчасти потому, что сравнивала каждого невольного кандидата со мной — с моим упрямством, моим талантом, моими грустными глазами после потери сестры. Отчасти потому, что их семья обладала огромной библиотекой заклинаний и значительным состоянием. Они могли позволить себе не просто выбирать — они могли купить жениха, и Мариус был полон решимости купить для дочери именно то счастье, о котором она мечтала.

— Готовься, скоро я его привезу, — сказал Мариус, и лицо его вдруг стало серьёзным.

— Но имей в виду: у них в семье горе. Недавно из этого мира ушёл его отец. — Он тяжело вздохнул. — Не спрашивай, как это случилось, я и сам подробностей не знаю. Поэтому, пожалуйста, дочка... постарайся хотя бы в первые минуты скрыть эту улыбку. Хорошо?

Лисанна кивнула, но внутри у неё, наверное, всё пело. Она знала, что это будет трудно. Но была уверена, что справится.

Я стоял у окна своей комнаты неподвижно. Взгляд у меня был пустой, потухший. На кровати лежал магический рюкзак — моя главная ценность, способная вместить все мои скудные пожитки. Любая вещь внутри сжималась до размеров спичечного коробка и возвращала свой настоящий облик только на свободе. Я смотрел на зелёные стены дома — те самые, возле

которых отец учил меня первым рунам, где Лайла шептала мне свои секреты, где теперь всё казалось чужим.

В дверь постучали.

— Сынок, за тобой пришли.

«Ну вот и всё, — мелькнуло у меня в голове. — Пора».

Я отвернулся от окна, взял рюкзак с кровати и пошёл к выходу.

В главном зале меня ждали все: оба брата, мать и незнакомый мужчина — Мариус Лазарев.

Первым подошёл Борб. Крепко пожал мне руку и наклонился к самому уху.

— Пока, братишка, — прошептал он. — А знаешь, я тебе даже завидую. Семья у них умная, говорят, очень. И невеста, говорят, красавица. Может, хоть там тебе повезёт больше, чем здесь.

Я попытался улыбнуться, но ничего не вышло.

— Пока, Борб. Надеюсь... мы ещё увидимся.

Потом подошёл Крит. Сильно, по-мужски, хлопнул меня по плечу.

— Прощай, братец. Я буду скучать. — Голос у него дрогнул. — И... прости меня, что не уследил. Я должен был лучше тебя учить.

Я кивнул. Горло сжалось, а вина снова вспыхнула внутри — острая, как нож.

Последней меня обняла мать. Она прижалась ко мне, вдохнула запах моих волос — тот же, что когда-то был у отца в детстве.

— Будь взрослым, сынок. И всегда думай о том, что говоришь и что делаешь. Не опозорь наш род.

Она отстранилась слишком быстро — чтобы я не увидел её слёз.

Наконец я подошёл к Мариусу Лазареву. Он протянул мне руку.

— Рад наконец познакомиться с тобой лично. Моя дочь о тебе очень высокого мнения.

Я вяло пожал его ладонь.

— А у меня, похоже, нет выбора.

Мариус рассмеялся — добродушно, без тени насмешки.

— А у кого он был в твоём возрасте? Мой отец точно так же однажды привёл в дом девушку и в приказном порядке велел нам идти «соединять сердца». И знаешь, что самое смешное? Сейчас я ему за это благодарен. Пройдёт время — и ты сам всё поймёшь. А пока нам пора.

Мы вышли на улицу. Мариус развёл руки в стороны, и в воздухе одна за другой начали вспыхивать руны. Целый каскад приказов обрушился на саму реальность. Свет сгустился у него в ладонях, пространство задрожало, и в нём появилась рябь. Она растянулась метра на два во все стороны, и сквозь неё начал медленно проступать дом Лазаревых — высокий, из переплетённых стеблей с золотистыми прожилками, с башнями из живых деревьев. Это был портал. Я никогда прежде не видел их так близко.

— Ого... а как он работает? — не удержался я, заворожённый зрелищем и на миг почти забывший о боли.

— Я знал, что ты удивишься! — рассмеялся Мариус. — Скоро сам такие делать будешь. Ведь ты теперь тоже Лазарев. А порталы — это приказы самому пространству. Тема долгая, сложная, потом всё тебе объясню. А сейчас — идём. И не отставай.

Он шагнул в дрожащее марево.

Я глубоко вдохнул и последовал за ним. Перед тем как войти, успел бросить последний взгляд назад — на дом, на братьев, на мать, стоявшую в дверях. Потом дверь закрылась, и портал сомкнулся у меня за спиной.

Так начиналась моя новая жизнь. С виной в груди и с печатью, которая тихо пульсировала, снова и снова напоминая мне: ошибки стоят слишком дорого.

Глава 4: Золотые стены и чужие улыбки

Портал сомкнулся у меня за спиной с тихим шорохом — словно кто-то аккуратно закрыл тяжёлую книгу. Я остался стоять на широкой каменной площадке и какое-то время просто смотрел вперёд, не двигаясь.

Передо мной раскинулось поместье Лазаревых.

Огромное. Живое. Золотисто-зелёное.

Главный дом поднимался этажей на пять, не меньше. Стены — из переплетённых стеблей с золотыми прожилками — переливались в лучах заходящего солнца так, будто их облили жидким золотом. Всё вокруг дышало, двигалось, будто это было не здание, а одно большое существо.

В воздухе пахло мёдом, озоном... и чем-то едким. Как будто здесь недавно что-то взорвалось.

Я даже не удивился.

Мариус хлопнул меня по плечу — тяжело, по-доброму.

— Добро пожаловать домой, сынок.

Я не ответил. Только чуть кивнул.

«Домой»...

Слово резануло внутри.

Мой дом остался там. За порталом. С матерью, которая плакала за дверью. С братьями. С отцом... которого уже нет.

Я отвёл взгляд, потому что смотреть на это место было легче, чем думать.

Из центрального входа вдруг выскочила Лисанна.

Она почти бежала. Косички у неё были заплетены по-новому — с золотыми лентами, которые подпрыгивали при каждом шаге. Глаза горели. Она явно хотела улыбнуться во весь рот... но, кажется, вспомнила слова отца и резко попыталась сделать серьёзное лицо.

Получилось... плохо.

— Привет... Андриан, — сказала она, чуть тише, чем, наверное, собиралась. — Я... рада, что ты здесь.

Я поймал себя на том, что не знаю, куда смотреть.

— Привет, — ответил я глухо и отвёл взгляд в сторону.

Мариус тихо кашлянул, будто решил, что пора вмешаться.

— Лисанна, проведи ему экскурсию. Покажи всё. А я пока... поговорю с дедом.

Он не стал ждать ответа и ушёл внутрь.

Мы остались вдвоём.

Лисанна посмотрела на меня, прикусила губу и осторожно протянула руку.

— Пойдём? Я всё покажу... Только... — она замялась на секунду, — не молчи, ладно? Мне немного страшно, когда ты молчишь.

Я пожал плечами.

Сказать мне было нечего.

Но я всё равно пошёл за ней.

Мы вошли в центральную часть дома — жилую.

Здесь всё было светлым и тёплым. Пол — из гладкого живого дерева, которое будто слегка пружинило под ногами. Стены... дышали. Я это чувствовал. Потолки высокие, под ними висели люстры из светящихся грибов, мягко разгоняющих сумерки.

В центре стоял длинный стол — вырезанный из цельного ствола.

— Здесь мы едим все вместе, — говорила Лисанна, оглядываясь на меня. — Каждый вечер в восемь. Никто не опаздывает. Дед этого терпеть не может.

Я кивнул, даже не задумываясь.

Из боковой двери в этот момент вышла женщина лет сорока.

Я сразу обратил внимание на детали.

Лицо в саже. Волосы растрёпаны. На щеке — свежий ожог в форме звезды. На ней был когда-то белый халат... теперь серый, прожжённый в нескольких местах. В руках она держала дымящуюся колбу, из которой капало что-то зелёное и тихо шипело.

— О, новенький! — воскликнула она с такой радостью, будто давно меня ждала. — Ты, наверное, Андриан? Я Света, мама Лисанны. Не бойся, я почти не взрываю людей.

Она на секунду задумалась.

— Только лабораторию. И иногда кухню. И вчера — ванную. Но это было красиво!

Она протянула мне руку.

На ладони — свежие ожоги.

Я на мгновение замешкался... но всё же осторожно пожал.

— Приятно познакомиться... — пробормотал я.

— Ой, да ладно тебе! — она махнула рукой, и из колбы вырвался маленький зелёный гриб, который тут же задымился. — Я сейчас пытаюсь сделать зелье, чтобы волосы не горели при взрывах. Пока не очень получается. Но ты не волнуйся — я тебя научу! Будешь мне помогать?

Я не успел ответить.

— Мам, он только приехал, — вмешалась Лисанна, закатив глаза. — Дай ему хотя бы до ужина дожить.

— Да-да, конечно! — уже на ходу бросила Света. — Если что — кричи! Я в левой лаборатории номер три. Там сейчас должно быть тихо... наверное.

Она скрылась за поворотом.

Через секунду оттуда раздался громкий хлопок.

И радостный крик:

— Получилось!

Я невольно моргнул.

Лисанна тяжело вздохнула.

— Это моя мама. Она... энтузиаст. Очень. Иногда даже слишком.

Я впервые за весь день чуть улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Но улыбка почти сразу исчезла.

Мы пошли дальше.

— Здесь живут Фрейд, Ламон и Каприо, — продолжала Лисанна, показывая правое крыло. — Они... ну... купленные. Как и ты. Только раньше. Они помогают в исследованиях. Младшая ветвь. Главенства не имеют, но отец их уважает.

Я отметил это про себя.

«Как и ты».

В коридоре нам навстречу вышли трое мужчин.

Один — высокий, светловолосый, с умными спокойными глазами. Второй — коренастый, со шрамом на щеке. Третий — худой, нервный, всё время поправляющий очки из тонких листьев.

— Это Андриан, — сказала Лисанна.

Первый улыбнулся.

— Добро пожаловать. Я Фрейд. Если что по теории — обращайся. Я в основном по пространственным рунам.

Второй просто кивнул.

— Ламон. Боевка. Если надо будет кого-то... приструнить.

Третий уткнулся в свой блокнот, потом резко поднял взгляд.
— Каприо... я... эээ... каталогизация. Если нужно что-то найти — я твой человек.
Я кивнул.
Слова застряли где-то внутри.
Я чувствовал себя... чужим.
Они были здесь своими. Я — нет.
Левое крыло встретило нас запахом химии и лёгким дымом.
— Тут лаборатории, — сказала Лисанна. — Мама проводит тут почти всё время.
В одной из них стоял старик.
Невысокий. Молчаливый. Седые волосы до плеч. Глаза... странные. Как будто смотрят не на мир, а сквозь него.
— Дедушка, это Андриан, — сказала Лисанна.
Он медленно повернул голову.
Посмотрел на меня.
Долго.
Слишком долго.
Мне стало не по себе.
Потом он просто кивнул и отвернулся обратно к окну.
Ни слова.
— Он... такой, — тихо сказала Лисанна. — Никогда много не говорит. Но всё замечает.
Всё.
Я поверил.
Мы вышли в сад.
Там, возле портала, стоял крепкий мужчина лет сорока пяти. Рядом — двое: парень и девушка.
— Это Скворцовы, — сказала Лисанна. — Они наши добытчики...
Я слушал, но как будто издали.
Катя — рыжая, с живыми глазами — улыбнулась мне.
— Привет. Если захочешь — могу показать свои записи. Там есть миры, где небо зелёное, а трава поёт.
Я чуть кивнул.
— Спасибо... может, потом.
Рома хлопнул меня по плечу.
— Не грусти, парень. Здесь не так плохо.
Я не ответил.
Когда мы вернулись в центральный зал, я уже устал.
Не физически.
Внутри.
У камина стоял парень — примерно моего возраста, может чуть старше.
Спокойный. Уверенный. В нём не было давления.
Он поднял взгляд от книги и улыбнулся.
Настояще.
— Так вот ты какой, Андриан Кавретов, — сказал он. — Лисанна много о тебе рассказывала. Добро пожаловать в нашу... большую и шумную семью.
Я впервые за всё время посмотрел кому-то прямо в глаза.
— Спасибо... — выдохнул я.
Он подошёл чуть ближе, но не вторгался.
— Я Олег. И я знаю, что тебе сейчас тяжело.
Я напрягся.

Но он не стал давить.

— Если захочешь поговорить — приходи. Я не буду тебя жалеть. Просто послушаю.

Это... было неожиданно.

— Может... потом, — сказал я тихо.

— Когда захочешь.

Он чуть улыбнулся.

— И, Андриан... ты не один здесь.

Я не знал, верить этому или нет.

Комната была небольшой.

Окно выходило в сад.

Кровать из мягких лиан. Стол. Полки.

На одной из них уже стояла фотография.

Мои родители.

Я замер.

— Это твоя комната, — тихо сказала Лисанна. — Если что-то не так — скажи.

Я сел на кровать. Провёл рукой по покрывалу.

— Всё нормально... спасибо.

Она села рядом. Осторожно.

— Я знаю, что ты не рад... Я бы тоже не радовалась. Но... может, со временем станет легче?

Я посмотрел на неё.

— Я... пока не могу. Прости.

Она кивнула.

— Ничего. Я подожду.

И ушла.

Я остался один.

Лёг на кровать.

Смотрел в потолок.

Печать на груди слабо пульсировала.

Как будто... напоминала.

«Новый дом. Новая семья. Новая жизнь».

Я закрыл глаза.

И впервые за день позволил себе заплакать.

Тихо.

Почти беззвучно.

Глава 5 регеровка

Комната, которую мне выделили, была... слишком правильной.

Живые стены мягко дышали, пропуская сквозь себя приглушённый свет. Потолок светился тускло-зелёным от грибов, а под ногами пружинил мох — ровный, как будто его специально выравняли. Всё выглядело аккуратно. Уютно.

Чуждо.

Я закрыл за собой проход из лиан, и те медленно сомкнулись, отрезая меня от остального дома.

Тишина.

Я стоял посреди комнаты и не двигался.

Слишком тихо.

Рука сама потянулась к рюкзаку.

Я достал его, бросил на пол, присел рядом... и замер.

Пальцы нащупали знакомую гладкую поверхность.

Смартфон.

Он был холодный.

Совершенно чёрный.

Ничего не происходило.

Никакого света, никаких надписей.

Просто кусок чужого мира.

Я сжал его сильнее.

Перед глазами вспыхнуло.

Кайтер. Когти. Кровь. Руна.

Синий свет. И голос.

Я резко втянул воздух.

Пальцы сжались так, что побелели.

— Из-за тебя... — выдохнул я, не замечая, что говорю вслух.

Картинка сменилась.

Отец.

Стоит.

Кровь у губ.

«Смотри, сынок... Всегда смотри смерти в глаза».

Я зажмурился.

— Если бы не ты... — прошептал я, сильнее стискивая смартфон. — Если бы я тебя не нашёл...

Тишина.

Только собственное дыхание — рваное, сбитое.

Рука дёрнулась.

Я замахнулся.

Ещё чуть-чуть — и он полетел бы в стену.

Разбился бы.

Исчез.

Всё закончилось бы.

...

Я не бросил.

Рука застыла в воздухе.

Плечи напряглись, дыхание сбилось.

Медленно... очень медленно я опустил её обратно.
Смартфон остался в ладони.
— Трус... — прошептал я, не понимая, к кому обращаюсь.
К себе.
Или к нему.
Или к тому, что внутри.
Тишина вдруг перестала быть пустой.
Она стала... плотной.
— Ты винишь предмет.
Голос прозвучал спокойно.
Не громко.
Не со стороны.
Внутри.
Я замер.
Сердце пропустило удар.
— Но решение принял ты.
Я резко вскинул голову.
— Заткнись.
Голос не исчез.
— Ты хотел силы.
— Я сказал, заткнись!
Я вскочил на ноги, отшатнувшись, будто мог уйти от него физически.
Не помогло.
— Ты пошёл в лес, — продолжил голос, всё так же ровно. — Ты взял нож. Ты нарисовал
руну.
Я стиснул зубы.
— Я не знал...
— Знал достаточно, чтобы начать.
Тишина снова сжалась.
Давила.
Я почувствовал, как внутри поднимается злость. Резкая. Горячая.
— Я не знал, что там ты! — выплюнул я. — Я думал, это просто зверь!
Короткая пауза.
А потом — почти тихий смешок.
— Именно.
Слово прозвучало мягко.
Слишком мягко.
— Ты видел оболочку, — продолжил он. — Как и все.
Я тяжело дышал.
Руки дрожали.
— Ты убил моего отца, — выдавил я.
— Нет.
Ответ последовал сразу.
Чёткий.
Спокойный.
— Это сделал не я.
Я сжал кулаки.
— Он умер из-за тебя.
— Он умер из-за выбора, — поправил голос.

Тишина.

— Своего.

Слова врезались.

Я сделал шаг назад.

Будто от удара.

— Он... — голос сорвался, — он спас меня.

— Да.

Без насмешки.

Без эмоции.

Просто факт.

— Как и ты пытался спасти себя.

Я зажмурился.

Мысли путались.

— Это... не одно и то же.

— Конечно нет, — легко согласился голос. — У него было больше опыта.

Я резко открыл глаза.

— Ты издеваешься?

— Я объясняю.

Тишина.

Он не давил.

Не заставлял.

Он просто... говорил.

И от этого становилось хуже.

Я опустился обратно на пол.

Смартфон всё ещё был в руке.

Холодный.

Чёрный.

— Тогда зачем ты мне это говоришь? — тихо спросил я.

Пауза.

Чуть длиннее.

— Потому что ты стоишь перед выбором.

Я усмехнулся.

Глухо.

— Да? Каким?

— Разбить его.

Взгляд сам упал на устройство.

— Или открыть.

Тишина.

Я провёл пальцем по гладкой поверхности.

Экран не загорелся.

— И что будет, если я открою? — спросил я.

— Это смартфон древних. В нем много тайн.

— И?

— Станешь сильнее.

Слово прозвучало спокойно.

Без нажима. Как очевидность.

Я закрыл глаза.

Перед внутренним взглядом всплыло:

Лайла.

Отец.
Печать на груди.
Рома. Сильный. Уверенный.
Я.
Слабый.
Чужой.
— А если нет? — прошептал я.
— Тогда ты останешься тем, кто ты есть сейчас.
Тишина.
Слишком честный ответ.
В этот момент лианы у входа тихо зашевелились.
Я вздрогнул.
— Андриан?.. — раздался голос Лисанны.
Я резко убрал смартфон за спину.
— Да.
Она вошла осторожно.
Остановилась в паре шагов.
Посмотрела на меня.
Долго.
— Ты... как? Уже освоился? Скоро завтрак. — спросила она тихо.
Я пожал плечами.
— Нормально.
Ложь.
Она это поняла. По глазам. По голосу.
По тому, как я стоял.
— Ты можешь... поговорить со мной, — сказала она.
Я отвёл взгляд.
— Не сейчас.
Пауза.
Она шагнула ближе.
— Это из-за того, что случилось?
Я резко вскинул голову.
— А как ты думаешь?
Голос вышел резче, чем я хотел.
Она чуть отшатнулась.
Я сразу пожалел.
Но слова уже прозвучали.
Тишина повисла между нами.
Тяжёлая.
— Я просто... — начала она, но запнулась. — Я хотела помочь.
— Я знаю.
Но я не смотрел на неё.
— Тогда почему ты...
— Потому что ты не можешь, — перебил я.
Она замолчала.
Я наконец поднял взгляд.
— Никто не может.
Слова прозвучали тихо.
Но окончательно.

Она смотрела на меня ещё несколько секунд.
Потом кивнула.
— Хорошо. Будем ждать тебя за столом .
Развернулась и ушла. Лианы снова сомкнулись. Я остался один. Снова.
Тишина вернулась.
Но теперь она была другой.
— Она переживает, — сказал голос.
Я не ответил.
— Но не понимает.
Я медленно достал смартфон.
Посмотрел на него.
— Никто не понимает, — тихо сказал я.
— Это нормально.
Я провёл пальцем по экрану.
На этот раз он вспыхнул.
Белым. Резко. Слишком ярко. Я прищурился. Сердце ускорилоь.
Текст. Старый. Угловатый. Непонятный. Но знакомый.
— Ты можешь читать, — сказал голос.
— Пока нет.
— Сможешь. Я научу.
Я задержал дыхание.
Пальцы дрогнули.
Я мог закрыть. Прямо сейчас. Мог отвернуться. Спрятать. Забыть. Но я не стал.
Экран медленно погас.
Я выключил его сам.
Секунду просто сидел, глядя в темноту.
Потом аккуратно спрятал смартфон обратно в рюкзак.
Глубже.
Чтобы не видеть.
Чтобы не тянуться.
Я лёг на мох.
Закрыв глаза.
Печать на груди пульсировала.
Тихо.
Ровно.
Как второе сердце.
— Я просто посмотрю, — прошептал я.
Тишина.
И почти сразу, едва слышно:
— Конечно.
Я не ответил.
Дом просыпался.
Сначала — тихо. Почти незаметно. Где-то за стенами прошуршали лианы. Послышались шаги — приглушённые, мягкие. Потом — голоса. Далёкие, неразборчивые.
Жизнь шла.
Как будто ничего не случилось.
Я медленно сел.

Тело отозвалось тяжестью. Как после долгого боя. Или после болезни. Я провёл рукой по лицу, задержался на глазах, пытаюсь собрать себя хоть в какое-то подобие нормального состояния.

Сделал шаг.и Ещё один.

Лианы у входа, будто почувствовав движение, медленно разошлись в стороны, открывая проход в коридор. Оттуда потянуло тёплым воздухом и запахом еды — чем-то сладким и одновременно терпким.

Я остановился на пороге.

Секунду просто стоял, глядя вперёд.

Потом вышел.

Коридор жил своей жизнью. Где-то дальше кто-то смеялся. Слышались быстрые шаги, тихие разговоры, шелест растений. Всё это звучало слишком... обычно.

Я шёл медленно, не спеша, словно надеялся, что дорога займёт больше времени.

Но дом не был таким уж большим.

Когда я вышел в главный зал, почти все уже были там.

Длинный стол из цельного ствола занимал центр комнаты. На нём уже стояли блюда — пар поднимался от них тонкими струйками, наполняя воздух запахами еды. Светящиеся грибы над столом переливались мягким утренним светом.

Места были заняты почти все.

Лисанна сидела с краю. Увидев меня, она на секунду замерла. Взгляд её задержался на мне чуть дольше, чем нужно, но она быстро отвела глаза.

Рома сидел напротив. Прямой. Собранный. Он бросил на меня короткий взгляд — оценивающий, холодный — и тут же вернулся к еде, будто я его не интересовал.

Света что-то оживлённо рассказывала, размахивая руками, и из её волос всё ещё слегка тянуло дымом. Рядом кто-то тихо посмеивался.

Фрейд и Каприо о чём-то спорили вполголоса, размахивая какими-то записями.

А во главе стола сидел Олег.

Когда я вошёл, его взгляд на секунду остановился на мне. Без давления. Без эмоций. Просто... отметил.

И отпустил.

— Ты вовремя, — сказал Мариус, не поднимая головы. — Садись.

Я молча кивнул и занял первое свободное место.

Дерево под руками было тёплым.

Живым.

Я посмотрел на еду перед собой.

Есть не хотелось. Совсем.

Но я всё равно взялся за приборы.

Тишина внутри никуда не делась.

Она просто... села рядом.

И осталась.

Еда была тёплой, ароматной. Что-то похожее на тушёное мясо с травами и мягкий хлеб, который буквально таял в руках. Я жевал, почти не чувствуя вкуса. Просто механически. Как будто тело помнило, что делать, а я — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.